

УДК 348.01/07

**СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ
УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕРКОВНОГО ПРАВА В ДРЕВНЕЙ РУСИ
В X–XIII ВВ.**

Хрущёв С. В.

Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева

В статье показываются условия формирования церковного права на Руси в X–XIII вв., когда после принятия христианства и начавшегося выработки основ государственно-церковных отношений Русская Православная Церковь начинает входить и утверждаться в формирующейся социально-политической и государственно-правовой организации древнерусского общества. Автор рассматривает своеобразие положения Церкви и акцентирует внимание на её функциях в Древней Руси. Одновременно показываются основные направления взаимодействия церковных и государственных институтов в различных сферах жизнедеятельности в контексте встраивания византийского опыта и его адаптации в политических и государственных реалиях Древней Руси. Особое внимание уделяется условиям и особенностям рецепции и адаптации византийского канонического права и светского законодательства как источников формирования церковного права в Древней Руси.

Ключевые слова: история государства и права России, церковь и государство, государственно-церковные отношения, каноническое право, церковное право, рецепция права.

Взаимоотношения Церкви и государства в истории России активно исследуются в социогуманитаристике – истории, политологии, теологии, юриспруденции и др. В пространстве их междисциплинарного взаимодействия находится каноническое право и церковное право, как сложные системы нормативно-регулятивных предписаний с различными подходами к их позиционированию и определению роли в церковно-государственных отношениях в России. Одновременно необходимо определиться с общим подходом к пониманию церковного права в рамках данной статьи, который базируется на позиции современного историка права А. А. Дорской относительно места и роли государства в формировании церковного права, согласно которой «нормы канонического права принимались только церковными органами и становились нормами церковного права, только если получали санкцию государства», а «церковное право являлось позитивным правом, источником которого являлось государство» [5, с. 39]. А. С. Смыкалин отмечает: «чтобы правильно судить об отношениях между Церковью и государством, между каноническим (церковным) и государственным правом, следует иметь в виду принципиальное различие между внутренним и внешним каноническим (церковным) правом. Последнее, безусловно, входит в сферу государственного права». Тем самым просматривается проблема разграничения двух векторов в понимании «канонического (церковного) права»: внутреннее право – право каноническое; внешнее право – право церковное [23, с. 10-11]. Данный подход корреспондирует и с общим пониманием церковного права в теологии, под которым, как считает протоиерей Александр Задорнов, следует понимать «те нормы, которые регулируют отношения Церкви и внешних по отношению к ней институтов (прежде всего – государства)» [5].

Одним из важных вопросов в изучении государственно-церковных отношений является изучение начального этапа формирования церковного права в Древней Руси в

X–XIII вв., когда Русская Православная Церковь начинает входить и утверждаться в социально-политической и государственно-правовой системе отношений. Здесь представляется важным понимание условий, в которых зарождается и общее позиционирование нового направления в жизни русского общества – церковного права, пришедшего вместе с Церковью из Византии и начавшего внедряться в систему формирующегося на Руси публичного и частного права. Эти вопросы и рассматриваются в настоящей статье.

Введение христианства и формирование церковного права в Древней Руси положили начало формированию церковно-государственных отношений. В этих процессах выбор государственной религии, связанный с решением великого князя киевского по совету с боярами о крещении «по закону греческому», имел для княжеской власти политическое значение. Тем самым князь Владимир стремился консолидировать государство и общество, заложив через веру единую идеологическую основу для преодоления племенной разобщённости. В социально-политическую систему Древней Руси вошёл новый институт – Русская Православная Церковь, а вместе с ним пришло и церковное право Византии как основа её деятельности [2]. При этом необходимо учитывать, что «ко времени официального принятия христианства и создания церковной организации в конце X в. государство уже существовало на Руси в течение почти двух веков и его органы власти и местного управления, территориальная структура, право и языческий религиозный культ не только сформировались, но и прошли определённый путь развития в соответствии с развитием всего древнерусского общества» – отмечает известный российский исследователь церковно-государственных взаимоотношений Я. Н. Шапов. Он также подчёркивает, что «церковь появилась по инициативе княжеской власти сравнительно поздно и должна была приспособливаться к тому уровню развития общества и к той системе экономики, которые она нашла здесь в указанное время» [30, с. 3]. В тех условиях Русская Церковь становилась основным каналом и институтом, который привнёс в Древнюю Русь православную веру, церковную организацию и регулирование деятельности в этой сфере – церковное право.

Положение Русской Церкви в социально-политической и государственно-правовой организации Древней Руси в X–XIII вв. выступало в качестве определяющего условия в формировании церковного права. Церковная организация на Руси была связана с подчинённостью Русской Церкви Константинопольскому патриархату с выделением в его составе особого округа – Русской митрополии. Патриарху в отношении Русской Церкви принадлежал широкий круг полномочий: право регулирования и изменения церковного устройства – определением границ митрополии, о возведении в сан епископов в архиепископов; назначения и посвящения митрополитов в сан; право суда над митрополитами «по жалобам и обвинениям» и споров с епископами и князьями; разрешение «обрядово-религиозных споров в русской церкви»; «право высшего надзора над русской церковью, с правом получения сведений о положении церковных дел на Руси»; прямого управления Русской церковью – «право вторжения в управление русской митрополии предпринятием тех или иных правительственных актов помимо митрополита»; право на ежегодное получение дани от русских митрополитов. Одновременно важно учитывать и то, что подчинённость Русской Церкви патриарху сочеталась с зависимостью и от византийского импера-

тора – «поэтому во всех актах, касающихся важнейших дел Русской Церкви, упоминается, что данное распоряжение состоялось с согласия или по прямому приказанию "высочайшего и святого самодержца"» – отмечает российский правовед – специалист в сфере церковного права Н. С. Суворов [24, с. 82–84].

Русская Церковь, хотя и являлась одним из митрополичьих округов константинопольского патриархата, все же имела определённую автономию и рассматривалась как «национальная церковная власть». Характер последней, как подчёркивает Н. С. Суворов, поскольку в её ведении был «особый народ, находившийся вне политических границ византийской империи... имела свою центральную власть». Такой властью на Руси «со времени Ярослава Мудрого был митрополит, который резидировал в разных местах: сначала в Переяславле (полавском), потом в Киеве, затем во Владимире на Клязьме и, наконец, в Москве. Несмотря на перемену местожительства, даже и после переселения в Москву, он довольно долгое время титуловался "митрополитом киевским и всея Руси". Митрополит осуществлял высшую над русской церковью власть в качестве константинопольского экзарха или с собором русских епископов, или лично и непосредственно». Полномочия митрополита включали право: на учреждение епископских кафедр с согласованием с князем и получением согласия патриарха; посвящения епископов в сан; созыва на собор и председательствования на нем; руководства епархиями и надзора за ними; разрешать споры епископов и судить по предъявленным против них обвинениям совместно с собором или единолично; обложения епархий денежной данью. При митрополите в качестве обязательного коллективного органа существовало собрание епископов епархии. На местах функционировало епископское управление - епископские кафедры и их чиновники, собрания священников городских церквей - «иерейские соборы» [24, с. 84–86].

К середине XIII в. на Руси было 15 епископских кафедр в значительной части соответствующих крупным русским княжествам. Епископы назначались митрополитом и великим князем чаще всего из киевского духовенства. С середины X до середины XIII вв. было построено около 10 000 церквей. Одной из наиболее распространённых и важных церковных организаций являлись монастыри с монашествующими священнослужителями – чёрное духовенство во главе с игуменами; в первой половине XIII в. было до 70 монастырей, крупнейшие из которых стали центрами подготовки духовенства и просвещения. Существовали объединения монастырей в архимандритии во главе с наиболее сильным из них архимандритом. Сформировался и чиновный аппарат церковного управления. Церковь в Древней Руси в X–XIII вв. относительно Древнерусского государства выступала в качестве «параллельной политической структуры в стране, обладающей большой силой в формировании общественного сознания, развитии культуры, выработке и распространении на большие сферы общественной жизни церковной юрисдикции, в международных связях, в первую очередь с Византией» - отмечает П. П. Толочко [25, с. 207].

Направления деятельности Русской Православной Церкви в X–XIII вв. необходимо рассматривать в контексте одного из главных условий вхождения этого института в жизнедеятельность русского общества. Они показывают её функциональное позиционирование в социально-политической и государственно-правовой организации Древней Руси. Церковь стала проводником византийской культуры, которая характеризовалась «синтезом греческой образованности, римской государственности и христианской религии» [7]. Она выполняла и ряд государственных функций становив-

лась своеобразной частью государственного аппарата, встраивалась в систему управления и обеспечения реализации ряда социальных и политических функций. В. О. Ключевский подчёркивает – «Церковь на Руси ведала тогда не одно только дело спасения душ: на неё возложено было много чисто земных забот, близко подходящих к задачам государства. Она является сотрудницей и нередко даже руководительницей мирской государственной власти в устроении общества и поддержании государственного порядка... Церковь русская ведала многое, что потом вошло в непосредственное ведомство государства» Изучение исследований по истории государственно-церковных отношений (А. В. Карташев, В. О. Ключевский, П. П. Толочко, Я. Н. Шапов и др.) позволяют выделить основные направления деятельности Церкви и распределить их по трём группам [8; 9; 10; 25; 30].

В первую группу входили направления деятельности, непосредственно связанные с назначением Церкви в Древней Руси как религиозного института. Это прежде всего литургическая деятельность, непосредственно связанная с культом – служба в церкви, исповедальная практика, выполнение таинств и треб, а также миссионерство – христианизация власти и общества. К этому направлению примыкала и деятельность церкви по организации её внутреннего управления от уровня высших иерархов – митрополита, епископов и игуменов монастырей до священников, дьяконов и рядовых монахов, а также формирования штата и функционирования особых церковных чиновников – владычных наместников, тиунов и др. Сюда же относилась и деятельность в социально-экономической сфере как земельного собственника и участника производственных отношений, использовавшего труд церковных крестьян и других участников производственных процессов.

Вторая группа направлений деятельности была связана с привнесением в Древнюю Русь элементов византийской цивилизации – идеологических образцов обоснования власти, отработанных форм духовного и светского образования, а также греческо-римско-византийского культурного наследия. Идеологическая деятельность Церкви была связана с освящением власти государства и формированием направленности общественного сознания в плане уважения к последней. Культурная деятельность была связана с привнесением в общество богословия, письменности, литературы, различных форм образования, перенесение и распространение христианских моральных ценностей, принципов поведения, приобщение к чтению духовной литературы и др.

Третья группа направлений деятельности Церкви относилась к её участию в публично-правовой и социальной сферах жизнедеятельности в Древней Руси. В этой сфере выделяется сотрудничество Церкви с княжеской властью и институтами Древнерусского государства в выстраивании церковно-государственных отношений и участие в формировании государственных узаконений по делам, совместное формирование местных институтов церковного управления – назначение епископов и учреждение новых епископских кафедр, образование приходов и монастырей, а также решение финансовых вопросов содержания государством церковных учреждений. Важным направлением деятельности Церкви было предоставление ей государством юрисдикции по двум категориям судебных дел – суд над «церковными людьми», включающих церковный причт – служащие при каком-либо одном храме (приходе) священнослужители (священники и дьяконы) и церковнослужители (псаломщик, клирик, певчие и др.) и суд над всем населением по «церковным делам» – по делам о

браках, разводах, семейных конфликтах и др. В социальной сфере государство возложило на Церковь ряд функций помощи населению – в её ведении были богадельни, больницы, врачеватели, повивальные бабки и др. В качестве отдельного направления деятельности Церкви можно выделить выполнение ею обязанностей по поручению светской власти – встреча князей при въезде в города, наставлении – интронизации при вокняжении, участие в деятельности государственных учреждений – советах при князьях, местных учреждений и др. К указанной группе относится и деятельность церкви в международных отношениях – включения церковных иерархов в состав специальных посольств, использование их для контактов с иностранными государствами, привлечение к участию в заключении международных договоров и др.

Все направления деятельности Русской Церкви опирались и прямо или косвенно были связаны с церковными практиками, которые сложились в Византии и славянских странах с христианской религией. Они так или иначе были связаны и с церковным правом, на основе которого прямо или косвенно и осуществлялось участие Церкви в духовных и мирских делах. Церковная деятельность по всем указанным направлениям входила в жизнь русского общества и вместе с ней каноническое и церковное право постепенно становилось важной частью регулирования общественных отношений.

Взаимоотношения Русской Православной Церкви и Древнерусского государства в X–XIII вв. определяли условия вхождения Церкви в складывающуюся государственность и регулирование отношений на Руси. Они привносили и в определённой мере копировали в государственно-церковных отношениях уже сложившиеся идеологию и практики выстраивания связей между церковными и государственными институтами. В их основе находилась сложившаяся в Византии доктрина «симфонии властей» – «симфонии священства и царства», которая в своём обозначении, происходила от греческого слова *συμφωνία* — «созвучие», «согласие». Этот православный идеал исходил из того, что Церковь и Государство – церковная и светская власти – находятся в состоянии согласия и сотрудничества, гармонично сочетая божественную и человеческую волю. Церковь и государство составляли единый и нераздельный организм, в котором церковь была формой – душой, а государство являлось материей – телом. Вместе организации находились в тесном взаимодействии, дополняя и восполняя друг друга в различных сторонах их деятельности [11; 13]. При этом Церковь акцентировала внимание на своей «церковно-государственной миссии» и «принесла на Русь из православной Византии идею великого князя, как Богом поставленного владыки, правителя и верховного судии...» – писал в 1888 г. архиепископ Никанор [1, с. 51].

В законодательном плане «симфония властей» была закреплена в предисловии к VI Новелле Юстиниана I (535 г.). Положения относительно симфонии светской и церковной властей были сформулированы следующим образом – «Величайшими у людей дарами Божиими, данными свыше по человеколюбию, являются священство и царство. Первое служит делам божественным, второе начальствует и наблюдает над делами человеческими; и то, и другое происходит от одного начала и гармонично обустроивает (катаκοσμοῦσα) жизнь человеческую — и ничто так не важно для царствующих, как почёт иереев, которые за них вечно молят Бога. Ибо если первое будет совершенно безукоризненным и удостоится у Бога благорасположения (παρρησίας), а второе будет по справедливости и подобающим образом обустроивать

(катаκοσμοίη) порученное ему государство, то наступит некое доброе согласие (συμφωνία τις ἀγαθή), которое обеспечит все какие ни есть блага роду человеческому». Характерно, что Новеллы Юстиниана I распространились также у южных славян и на Руси - они вошли в Сербский Номоканон [16, с. 30-31].

Участие Древнерусского государства в делах Русской Церкви в X–XIII вв. характеризовалась тем, что наряду с Константинопольским патриархом и подчинённым ему русским митрополитом определённое влияние на церковное управление имела княжеская власть – князья участвовали в учреждении новых епархий, назначении епископов и перемещении епископских кафедр из одного города в другой и др. вопросах организации церковной жизни. Роль Церкви как объединяющего начала повышалась в условиях кризиса киевской великокняжеской власти и постепенного политического дробления Киевской Руси после смерти Владимира Святославича (1015 г.) и попыток Владимира Мономаха стабилизировать ситуацию к середине XII в. Древнерусское государство разделилось на независимые княжества, но единство нации в значительной степени поддерживалось именно благодаря церкви. На это обращает внимание Н. С. Суворов и подчёркивает – «Но как ни заметно выражалось иногда влияние княжеской власти на церковные дела, при политической раздробленности Руси на удельные княжества, митрополит с собором епископов, ограждённый высшим авторитетом императора и патриарха византийских, стоял более прочно и в большей степени имел значение центра русского церковного устройства, чем власть наиболее сильных из русских князей. Ни один из князей не мог сказать, что епископы всей русской земли находятся под его властью и в его воле, как мог сказать о себе митрополит» [24, с. 86].

Высшие церковные иерархи и русские князья выступали субъектами не только в определении церковно-государственных отношений и нормативной базы их регулирования, но и сотрудничали в процессах рецепции, внедрении и адаптации византийского государственно-правового опыта в формировании древнерусской государственности и права. На пересечении деятельности Русской Церкви и Древнерусского государства формировались системы церковной и государственной власти, механизмы государственного управления и судебной деятельности и др. Я. Н. Шапов отмечает, что «вскоре после формирования церковной организации на Руси она взяла на себя административные и судебные функции в политических центрах, где были учреждены епископии, распространяя эти функции и в ширину, на новые города, и в глубину, на те общественные явления, которые прежде не были в ведении публичной власти» [30, с. 69].

Культурная деятельность Русской Церкви в Древней Руси в X–XIII вв. выступает в качестве важного условия и предпосылки изучения и формирования церковного права. Это направление церковной деятельности активно поддерживалось княжеской властью и рассматривалось в качестве особо значимой для развития государственных дел и социальной жизни. Оно сочеталось не только с распространением веры, христианских моральных ценностей и принципов поведения, но и с активным распространением письменности, распространением переводов духовных и светских книг, приобщение к чтению, созданием при церквях и монастырях библиотек, организацией духовного и общего образования. Эти процессы имели важное значение в закладывании основ осознания государственности и права и правовой культуры в русском обществе.

В Древней Руси, как и других славянских странах, при непосредственном участии национальных христианских цервей укреплялось воздействие византийской культуры, которая «имела последствием разнообразное влияние, отразившиеся на всем ходе жизни славянских племён – на развитии их литературных, художественных и юридических понятий» – подчёркивает известный отечественный византинист отмечает Ф. И. Успенский [28, с. 203]. Но при этом сама византийская культура в славянских странах «не была механическим переносом ее в новые условия» и «славянские страны сильно модифицировали эту византийскую культуру, существовавшую у себя на родине. Византийская культура в славянских пределах была порождена византийской культурой, выросла на ее основе, но она не была ей тождественна. Славянская «рецензия» византийской культуры имела поэтому собственное лицо. Это было некоторое новое единство религии, воззрений на мир и на общество, литературы, живописи и архитектуры» – отмечает Д. С. Лихачев [14, с. 32].

Распространение славянской письменности, которая пришла из Болгарии благодаря её создателям - Кириллу и Мефодию, во многом связана именно с деятельностью Русской Церкви. С принятием христианства на Руси появились богослужебные книги южнославянского, преимущественно болгарского и сербского, происхождения, переведённые или написанные на старославянском языке, и не требовали перевода. Использование старославянского языка постепенно приобретало восточнославянские черты и получило широкое распространение не только в религиозной сфере – он становился языком обучения и чтения, входил в государственные и деловые практики и тем самым становился языком культуры в целом. Соответственно письменность становилась и средством прямого и опосредованного восприятия через литературу как византийского опыта, так и опыта развития других славянских стран в различных сферах жизнедеятельности, не исключая государственно-правовую [18, с. 230–291]. В итоге «при помощи своей письменности Русь в исторически короткий срок смогла получить из Византии и других стран огромную сумму информации по самым различным областям знаний раннего средневековья — богословию, философию, искусству, истории, литературе, юриспруденции, географии, астрономии, зоологии и т. д. При этом необходимо вполне четко и ясно представлять, что развитие этих сторон духовной культуры практически начиналось почти от нулевой точки» – отмечает Б. В. Сапунов [22, с. 208–209].

Особо важное значение на Древней Руси имели переводы книг религиозного характера для использования в деятельности церковных учреждений. Для это было необходимо было достаточно быстро освоить обширную христианскую литературу, которая уже имелась в Византии, Болгарии и Сербии. В основе была древнеболгарская литература, возникшая на век раньше других, которая и стала источником общей для всех южных и восточных славянских народов литературы, включая и древнерусскую. Д. С. Лихачёв по этому поводу отмечает, что «Болгария дала Руси не только относительно полный комплекс богослужебных книг и книг, связанных с христианским мировоззрением, но она дала Руси литературный язык, на котором были написаны эти книги, и частично даже представителей церковной иерархии». Одновременно он подчёркивает то, что «Русские пополняли своими переводами то, чего они не находили в Болгарии, и обратно: русские переводы входили в фонд южнославянских литератур. Некоторые же памятники переводились и создавались совместно» [14, с. 31]. Это в свою очередь повлекло и появление в русских землях другой

литературы – исторической, философской, научной и др. Одновременно появляется летописание, местные формы «житийной» литературы, политическое ораторство и др. формы древнерусской литературы. Важное место в этих процессах занимали переводы византийских церковных и юридических сборников – Номоканон, Прохирон, Эклога, которые были сделаны в Болгарии и Сербии и выступили как важная предпосылка и условие для формирования церковного права в Древней Руси [19, с. 349].

После принятия христианства и развития церковных учреждений начинают формироваться книжные собрания в храмах и монастырях, у князей и высших слоёв общества. Образованная прослойка общества именуется «книжниками, философами, учёными». К середине XIII в. на Руси было примерно 130-140 тысяч экземпляров духовных, богословских и светских книг. Великий князь Ярослав Владимирович Мудрый, например, «составил вокруг себя целое общество людей, довольно образованных, которые перевели, по его поручению, многие книги с греческого языка на славянский, а другие, вероятно, прежде в Болгарии или России переведённые, списали, и предлагал эти книги для чтения всем» и «собрав много книг, положил их при Киево-Софийском соборе и таким образом основал первую в нашем отечестве библиотеку» – отмечает историк Русской Церкви митрополит Макарий [15, с. 79].

По мере развития церковных учреждений на базе письменности и книжности началось формирование в Древней Руси и образования. При церквях и монастырях стали организовываться школы, в которых местное духовенство – «греки и латиняне» – занималось обучением детей, готовило «национальные кадры» для церкви, стояло у основ женского образования и др. форм развития грамотности. Духовное образование существенно отличается от домашнего обучения как по изучаемым предметам, так и качеству подготовки учеников, что показательно с точки зрения отношения к ним русских князей, поощрявших церковное образование и направлявших для обучения представителей знати. В процессе обучения развивался «дух церковности» и любовь к богослужению», «славянская грамота» на основе Псалтыри и письмо, изучались «Божественные книги», необходимый для священнослужителей греческий язык, а также церковное пение [20].

Участие Русской Православной Церкви в развитии Древнерусского государства и права в X-XIII вв. стало одним из определяющих условий формирования церковного права в Древней Руси. Главным здесь было то, что «Русская церковь, по самому своему началу становясь филиальной частью православно-восточной церкви и, устраиваясь по образу и подобию последней, вместе с тем естественно и неизбежно перенимала от неё и действующий кодекс узаконений» – отмечает историк церкви А. В. Карташев [8, с. 153]. Деятельность Русской Церкви регламентировалась на основе пришедшего из Византии правового порядка, в котором «фактически разновидностью официального имперского права было церковное, т. е. совокупность норм, обладавших силой закона и определявших организацию церкви, ее внутреннее устройство, отношения между церковью и государством, а также между церковью и частными лицами – мирянами» – отмечает И. П. Медведев [17, с. 7].

Византийское церковное право прошло рецептивные преломления в деятельности церковных учреждений в славянских странах и использовалось в Древней Руси на основе сделанных в Болгарии и Сербии переводов источников церковного права. Ими были Эклога (использовалась под названием «Закон судный людям»), Прохирон, Номоканон (два варианта) и Номос георгикос (Земледельческий закон). В 1274 г.

митрополит Кирилл официально ввёл на Руси Кормчую книгу (славянский перевод Номоканона св. Саввы Сербского) [19, с. 349]. Всего известно около 200 списков этого сборника, правила которого создавали нормативно-регулятивную общность традиции всех православных Церквей. Основную часть Кормчих книг составляли Апостольские правила, Апостольских, Вселенских, Поместных Соборов сочинения отцов Церкви, переведённые с греческого на славянские языки. Кроме этого в её состав вошла Эклога под названием «Леона Царя Премудрого и Константина Верного Царя главизны о совещании обручения и о брацах и о иных различных винах» и её переработанный отрывок – «Закон судный людям Царя Константина Великого». Также в Кормчую книгу был включён Прохирон, названный «Закон градский» [9, с. 328-329]. В литературе по истории церковного права подчёркивается, что «состав древних кормчих книг лучше всего может знакомить с состоянием церковного права в древней России» [12, с. 203].

Одновременно нельзя не учитывать и миссионерское значение деятельности Церкви в различных сферах жизни древнерусского общества, не исключая и процессы развития государственности и законодательной деятельности. По этому поводу В. О. Ключевский подчёркивает – «Духовенство принесло в Россию первые понятия о таких учреждениях и отношениях; ни правительство, ни общество в новопосвящённой стране не умело взяться за них; но ... правительство очень скоро поняло их важность для общественного порядка. Основания и правила для устройства таких дел и отношений духовенство указывало в принесённых им уставах, которые в глазах всех русских христиан имели непреложную каноническую силу или нравственную обязательность. Местному законодательству предстояло только применять эти основания и правила к уровню развития и к потребностям местного общества. Эту работу с необходимыми для неё законодательными полномочиями местная государственная власть и возложила на церковную иерархию, заранее дав ей согласие на те учредительные меры, принять которые она найдёт необходимым» [9, с. 325-326].

Тем самым с образованием Русской Церкви в Древнюю Русь пришла уже достаточно развитая и относительно автономная система источников и норм канонического церковного права, которые начинают тесно соприкасаться и интегрироваться в формирующиеся направления правового регулирования общественных отношений Древнерусским государством. Основу формирования церковного права в Древней Руси, как отмечает А. А. Дорская, составили три основные группы источников, пришедшие с учреждением Русской церкви. Прежде всего это источники, **«имеющие церковное (божественное) происхождение» и составляющие «каноническое право церкви»**. **К ним относились:** «Закон Божий, законы или правила Святых Апостолов, святых Вселенских и Поместных Соборов и святых отцов». Вторую группу составили «государственное законодательство и церковные правила Византийской империи, рецепция которых была осуществлена в Древней Руси» – собственно и есть византийское церковное право в болгарских и сербских переводах. С учетом этой базы и на основе княжеской деятельности формируется «государственное законодательство Древней Руси по делам Церкви», а также документы правового характера русских митрополитов» [3, с. 422-431].

При анализе условий формирования церковного права в Древней Руси в XI–XIII вв. представляется необходимым учитывать один из главных факторов - Древнерусское государство и право ещё складывалось, государственность и право находились в

стадии ранней институционализации, а церковная организация и право пришли в Древнюю Русь уже структурно оформленными со своими нормативными регуляторами. И «поскольку на Руси, с одной стороны, опыт выстраивания отношений светской власти с религиозными институтами до той поры отсутствовал, а с другой – христианство и церковная организация были восприняты из Византии, киевские князья во многом, кроме имущественных вопросов, использовали модель таких отношений, сложившуюся в Византийской империи» – отмечает Ю. П. Зуев [6, с. 20–34].

Одновременно были использованы и византийские (в своей основе римские) модели понимания закона и создания актов кодифицированного типа. О. В. Ключевский отмечает, что «Кормчая принесла на Русь первые образцы связного уложения, построенного не на пережившем себя обычае или случайном усмотрении власти, а на последовательном развитии известных юридических начал, отвечающих насущным потребностям общества. С тех пор начались и у нас опыты составления по разным отраслям действовавшего права кратких сводов, подобных тем, какие так любила и так умела составлять греко-римская юриспруденция. ... Разумеется, эти опыты далеко отставали от своих образцов как в кодификационной технике, так и в выработке юридических начал. Но они будили юридическую мысль, отрывая ее от непосредственных явлений, приучая подбирать однородные юридические случаи и из них извлекать общие правила, юридические нормы» [9, с. 329-330].

Анализируя условия церковного права и его взаимодействия с правом светским в Древней Руси в XI–XIII вв. необходимо обратить внимание на состояние относительной автономности двух формирующихся и взаимодействующих направлений в развитии древнерусского права – права светского и права церковного. С одной стороны – сама Церковь адаптировала церковно-правовые установления к русской и «задача русских канонистов отнюдь не могла ограничиться одними переводами греческих сборников... Была целая область церковного права, которую не обнять и не обнимали никакие своды положительного права». Это было «так называемое право обычное, которому православная церковь продолжала следовать наравне с правом письменным... К переводным каноническим сборникам присоединялись к древним русским и статьи местного происхождения» – отмечает П. А. Лашкарев. Он также обращает внимание на то, что «особые исторические условия и местные обстоятельства, в каких находилась церковь на Руси, вызвали целый ряд как гражданских, так и церковных постановлений в России, применявших общее церковное право к условиям русской народной жизни» и «образовывали и сами собою область права, важную для русских канонистов» [12, с. 202]. С другой стороны – княжеская власть сохраняла свою законодательную автономию и начинала формировать государственное законодательство по делам церкви. На это обращает внимание Иоанн Мейендорф отмечая, что «именно в области юридических ... сочинений русские выказали наибольшую независимость от византийских наставников. И "Русская Правда", и так называемый "Устав князя Владимира" – это оригинальные узаконения, хотя в них и видно знакомство с византийской юридической традицией. Такая независимость, впрочем, может быть истолкована в том смысле, что византийские законы принимались без изменений и только дополнялись установлениями, имевшими местное значение» [19, с. 348]. Тем не менее именно уже в XI–XIII вв. начинают закладываться процессы интеграции и систематизации церковного права и права светского.

Вместе с приходом и действием на Руси источников церковного права возникает и проблема их изучения и осмысления – на этой базе начинаются процессы раннего формирования основ русской правовой культуры и законоведения. Духовенство привнесло в Древнюю Русь византийские «юридические понятия» – о государственной власти и её учреждениях, о каноническом и светском понимании и значении закона, законодательстве и формах его систематизации, практиках применения узаконений, юриспруденции и др. Все это повлекло проникновение в высшие слои русского общества в византийской государственно-правовой культуры и обращение к источникам церковного права. «Появление на Руси священников - служителей христианской религии и перевод огромного массива византийской христианской литературы (в том числе канонических сборников и сводов светских правовых норм) на церковно-славянский язык создали новые условия для развития древнерусской юриспруденции. Христианское духовенство с самого начала своего появления на Руси стало выступать здесь в роли носителей не только богословских, но и юридических знаний» – отмечает В. А. Томсинов [27, с. 11].

При рассмотрении формирования церковного права в Древней Руси в XI–XIII вв. важно учитывать и то, что условия зарождения русской юриспруденции отличались от Западной Европы. В последней в этот период началось «восприятие, изучение и переработка элементов римской правовой культуры в средневековых европейских университетах». Создание Болонского университета в Италии (1083 г.) и последующее развитие университетской формы образования в других западноевропейских странах повлекли активное обращение к римскому праву и «университетской традиции» в основе которой было обращение к юридическому тексту «как к высшему авторитету» [26, с. 172]. Рецепция римского права во многом стала основой европейского развития юридического образования и науки. В это время на Руси развитие юриспруденции в университетских формах отсутствовало и преобладало, как и в целом в Европе, практическое законоведение церковного и светского характера. При этом, как отмечают В. А. Рогов и В. В. Рогов «изучали на Руси и Западе то же римское право по законам Юстиниана, но в различных организационных формах... Усвоение римского права в форме теоретических идей и некоторых конкретных направлений законодательства началось сразу после принятия христианства» и «придавало этому праву такой же высокий авторитет, как и привходящей богословской мысли» [21, с. 25–26]. Изучение и осмысление источников римско-византийского церковного и светского права, богословской и философской литературы, практики составления узаконений и их применения – все формировало начальную теоретическую базу юриспруденции, юридическую терминологию и подходы к упорядочению узаконений и т. п. Все это создавало «юридическую базу» для формирования российской юриспруденции

* * *

В итоге можно сделать вывод, что формирование церковного права в Древней Руси в X–XIII вв. происходило в условиях, которые характеризовались многофакторностью социально-политического и государственно-правового характера. Принятие христианства, создание Русской Православной Церкви и активное включение её в различные сферы жизнедеятельности русского общества одновременно привнесло в него в качестве регулятивного начала византийское церковное право в преломлении славянских переводов сборников церковно-государственных установлений. В ука-

занный период сложились два формирующиеся и взаимодействующие направления в развитии древнерусского права - право церковное и право светское, которые имели собственные и взаимно влияющие друг на друга источники права. На этой основе начинает формироваться теоретическое и практическое законоведение, закладываются основные процессы интеграции и систематизации церковного права в права светского.

Список литературы:

1. Бровкович А. И. Церковь и государство. Против графа Л. Толстого. беседа преосвященного Никанора архиепископа Херсонского и Одесского. СПб.,: тип. Ф. Елеонского и К°, 1888. – 58 с.
2. Введение христианства на Руси / Институт философии АН СССР; [отв. ред. доктор философских наук, профессор А. Д. Сухов]. - Москва: Мысль, 1987. – 302 с.
3. Дорская А. А. Памятники церковного права Древней Руси // Памятники российского права. В 35 т. М.: Юрлитинформ, 2013. Т. 1. – С. 422-524.
4. Дорская А.А. Эволюция места канонического (церковного) права в системе права России // Юриспруденция. - М.: Изд-во РГГУ, 2010, № 2 (18). – С. 37–43.
5. Задорнов А. Каноническое право: между нигилизмом и законничеством // Богослов.ru. Научный богословский портал. <https://bogoslov.ru/article/6171354> (дата обращения 22.11.2022).
6. Зуев Ю. П. К истории государственно-конфессиональных отношений в России // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2009. Т. 27, № 1. – С. 20–34.
7. Каждан А. П. Византийская культура (X-XII вв.) СПб.: Алетейя, 2006. – 280 с.
8. Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви. В 2 т. Т. 1. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2020. – 571 с.
9. Ключевский В. О. Православие в России. М.: Мысль, 2000. – 623 с.
10. Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций. М.: АСТ Мн.: 2002. Т. 1. – 592 с.
11. Костогрызова Л. Ю. Симфония властей как принцип государственного права Византии // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2017. № 4. – С. 138–146.
12. Лашкарев П. А. Право церковное в его основах, видах и источниках. Из чтений по церковному праву. К.-СПБ: издание Н. Я. Оглоблина, 1889. – 213 с.
13. Лебедева Г. Е. Русские церковные историки о "симфонии священства и царства" в Византии // Ленинградский юридический журнал. 2008. № 4. С. 107–118;
14. Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X-XVII веков. - Санкт-Петербург : Наука : С.-Петербург. изд. фирма, 1998. – 204 с.
15. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1857. Т. 1. – 297 с.
16. Максимович К. А. Церковные новеллы св. Императора Юстиниана I (527-565 гг.) в современном русском переводе: из опыта работы над проектом // Вестник ПСТГУ. Серия 1: Богословие. Философия. 2007. №17. – С. 27-44.
17. Медведев И. П. Правовая культура Византийской империи. СПб.: Алетейя, 2001. – 576 с.
18. Медынцева А. А. Грамотность в Древней Руси : (По памятникам эпиграфики X - первой половине XIII в.) / А. А. Медынцева; Рос. акад. наук. Ин-т археологии. – Москва : Наука, 2000. – 290 с.
19. Мейендорф И. Византия и Московская Русь // Мейендорф И. История Церкви и восточно-христианская мистика. М.: Институт ДИ-ДИК, 2000. – С. 576 с.
20. Миропольский С. Очерк истории церковно-приходской школы от первого ее возникновения на Руси до настоящего времени. Вып. 1. От основания школы при св. Владимире до монгольского ига. СПб.: Синодальная типография, 1894. – 64 с.
21. Рогов В. А., Рогов В. В. Древнерусская правовая терминология в отношении к теории права. (Очерки IX - середины XVII вв.). М.: МГИУ, 2006. – 269 с.
22. Сапунов Б. В. Книга в России в XI-XIII вв. - Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. – 231 с.

23. Смыкалин А. С. Каноническое право (на примере Русской православной церкви XI – XXI вв. М.: Проспект, 2017. – 400 с.
24. Суворов Н. С. Учебник церковного права Н. Суворова / Н. Суворов. - 3-е изд., перераб. - Москва: печатня А.И. Снегиревой, 1908. - 4, VIII, I, 476 с.
25. Толочко П. П. Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. Киев: Наукова думка, 1987. – 327 с.
26. Томсинов В. А. Рецепция римского права в Западной Европе в Средние века: к постановке проблемы // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 1998. № 1(3). – С. 169–175.
27. Томсинов В. А. Юриспруденция древней Руси и правовая культура Византии // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2009. № 4. – С. 3–26.
28. Успенский Ф. И. История Византийской империи. Период Македонской династии (867-1057). М.: Мысль, 1997. – 527 с.
29. Цыпин В. А. Каноническое право. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2012. – 863 с.
30. Щапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X—XIII вв.— М.: Наука, 1989. – 232 с.

Khrushchev S. V. Socio-political and state-legal conditions formation of church law in ancient Russia in the X–XIII centuries // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 1. – P. 484-497.

The article shows the conditions of the formation of church law in Russia in the X–XIII centuries, when after the adoption of Christianity and the beginning of the development of the foundations of state-church relations, the Russian Orthodox Church begins to enter and establish itself in the emerging socio-political and state-legal organization of ancient Russian society. The author examines the peculiarity of the position of the Church and focuses on its functions in Ancient Russia. At the same time, the main directions of interaction between church and state institutions in various spheres of life are shown in the context of embedding the Byzantine experience and its adaptation in the political and state realities of Ancient Russia. Special attention is paid to the conditions and peculiarities of the reception and adaptation of Byzantine canon law and secular legislation as sources in the formation of church law in Ancient Russia.

Keywords: history of the state and law of Russia, church and state, state-church relations, canon law, church law, reception of law.

Spisok literatury:

1. Brovkovich A. I. Cerkov' i gosudarstvo. Protiv grafa L. Tolstogo. beseda preosvyashchennogo Nikanora arhiepiskopa Hersonskogo i Odesskogo. SPb.,: tip. F. Eleonskago i K^o, 1888. – 58 s.
2. Vvedenie hristianstva na Rusi / Institut filosofii AN SSSR; [otv. red. doktor filosofskih nauk, professor A. D. Suhov]. - Moskva: Mysl', 1987. – 302 s.
3. Dorskaya A. A. Pamyatniki cerkovnogo prava Drevnej Rusi // Pamyatniki rossijskogo prava. V 35 t. M.: YUritinform, 2013. T. 1. – S. 422-524.
4. Dorskaya A.A. Evolyuciya mesta kanonicheskogo (cerkovnogo) prava v sisteme prava Rossii // YUrisprudence. - M.: Izd-vo RGGU, 2010, № 2 (18). – S. 37–43.
5. Zadornov A. Kanonicheskoe pravo: mezhdru nihilizmom i zakonnichestvom // Bogoslov.ru. Nauchnyj bogoslovskij portal. <https://bogoslov.ru/article/6171354> (data obrashcheniya 22.11.2022).
6. Zuev YU. P. K istorii gosudarstvenno-konfessional'nyh otnoshenij v Rossii // Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom. 2009. T. 27, № 1. – S. 20–34.
7. Kazhdan A. P. Vizantijskaya kul'tura (H-HII vv.) SPb.: Aletejya, 2006. – 280 s.
8. Kartashev A. V. Oчерki po istorii Russkoj Cerkvi. V 2 t. T. 1. Moskva; Berlin: Direkt-Media, 2020. – 571 s.
9. Klyuchevskij V. O. Pravoslavie v Rossii. M.: Mysl', 2000. – 623 s.
10. Klyuchevskij V. O. Russkaya istoriya. Polnyj kurs lekcij. M.:AST Mn.: 2002. T. 1. – 592 s.
11. Kostogryzova L. YU. Simfoniya vlastej kak princip gosudarstvennogo prava Vizantii // Elektronnoe prilozhenie k Rossijskomu yuridicheskomu zhurnal. 2017. № 4. – S. 138–146.
12. Lashkarev P. A. Pravo cerkovnoe v ego osnovah, vidah i istochnikah. Iz chtenij po cerkovnomu pravu. K.-SPB: izdanie N. YA. Ogloblina, 1889. – 213 s.
13. Lebedeva G. E. Russkie cerkovnye istoriki o "simfonii svyashchenstva i carstva" v Vizantii // Leningradskij yuridicheskij zhurnal. 2008. № 4. S. 107–118;
14. Lihachev D. S. Razvitie russkoj literatury X-XVII vekov. - Sankt-Peterburg : Nauka : S.-Peterb. izd. firma, 1998. – 204 s.
15. Makarij (Bulgakov), mitropolit Moskovskij i Kolomenskij. Istoriya russkoj cerkvi. SPb.: Tip. Imp. akad. nauk, 1857. T. 1. – 297 s.
16. Maksimovich K. A. Cerkovnye novelty sv. Imperatora YUstiniana i (527-565 gg.) v sovremennom russkom perevode: iz opyta raboty nad proektom // Vestnik PSTGU. Seriya 1: Bogoslovie. Filosofiya. 2007. №17. – S. 27-44.
17. Medvedev I. P. Pravovaya kul'tura Vizantijskoj imperii. SPb.: Aletejya, 2001. – 576 s.

18. Medynceva A. A. Gramotnost' v Drevnej Rusi : (Po pamyatnikam epigrafiki X - pervoj polovine XIII v.) / A. A. Medynceva; Ros. akad. nauk. In-t arheologii. – Moskva : Nauka, 2000. – 290 s.
19. Mejendorf I. Vizantiya i Moskovskaya Rus' // Mejendorf I. Istorija Cerkvi i vostochno-hristianskaya mistika. M.: Institut Institut DI-DIK, 2000. – S. 576 s.
20. Miropol'skij S. Ocherk istorii cerkovno-prihodskoj shkoly ot pervogo ee vznikoveniya na Rusi do nastoyashchego vremeni. Vyp. 1. Ot osnovaniya shkoly pri sv. Vladimire do mongol'skogo iga. SPb.: Sinodal'naya tipografiya, 1894. – 64 s.
21. Rogov V. A., Rogov V. V. Drevnerusskaya pravovaya terminologiya v otnoshenii k teorii prava. (Ocherki IX - serediny XVII vv.). M.: MGIU, 2006. – 269 s.
22. Sapunov B. V. Kniga v Rossii v XI-XIII vv. - Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie, 1978. – 231 s.
23. Smykalin A. S. Kanonicheskoe pravo (na primere Russkoj pravoslavnoj cerkvi XI – XXI vv. M.: Prospekt, 2017. – 400 s.
24. Suvorov N. S. Uchebnik cerkovnogo prava N. Suvorova / N. Suvorov. - 3-e izd., pererab. - Moskva: pechatnaya A.I. Snegirevoj, 1908. - 4, VIII, I, 476 s.
25. Tolochko P. P. Drevnyaya Rus'. Ocherki social'no-politicheskoj istorii. Kiev: Naukova dumka, 1987. – 327 s.
26. Tomsinov V. A. Recepciya rimskogo prava v Zapadnoj Evrope v Srednie veka: k postanovke problemy // IVS ANTIQVVM. Drevnee pravo. 1998. № 1(3). – S. 169–175.
27. Tomsinov V. A. YUrisprudenciya drevnej Rusi i pravovaya kul'tura Vizantii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo. 2009. № 4. – S. 3–26.
28. Uspenskij F. I. Istorija Vizantijskoj imperii. Period Makedonskoj dinastii (867-1057). M.: Mysl', 1997. – 527 s.
29. Cypin V. A. Kanonicheskoe pravo. M.: Izd-vo Sretenskogo monastyrya, 2012. – 863 s.
30. SHCHapov YA. N. Gosudarstvo i cerkov' Drevnej Rusi X—XIII vv.— M.: Nauka, 1989. – 232 s.